

DOI: 10.22250/2072-8662.2017.2.107-119

Маточкина А.И.

Изучение ислама и арабо-мусульманской культуры в трудах российских востоковедов на рубеже XIX–XX вв.

Исследование поддержано грантом РФФ, проект № 16-18-10083

Аннотация. В статье рассматривается изучение ислама и арабо-мусульманской культуры в России на рубеже XIX–XX вв. Это время характеризуется становлением востоковедения как науки и попытками определить цели и задачи этой дисциплины. Интерес к Востоку был в первую очередь обусловлен внешней и внутренней политикой Российской империи, в частности военными походами по завоеванию Северного Кавказа и Средней Азии, войнами с Османской империей и Ираном, дипломатическими и разведывательными миссиями, защитой паломников и возрождением роли православия на Святой земле, обращением мусульман, проживающих на территории Российской империи, в христианство. Однако наряду с практическим интересом и связанным с ним миссионерским востоковедением, шло активное развитие академического, светского востоковедения, стремившегося достичь идеологически нейтрального, научного знания. Представители этого направления ориентировались на европейских ориенталистов, заимствуя у них методологию и понятийный аппарат, но вместе с тем пытались отказаться от европоцентристского подхода и сформировать особый взгляд на взаимоотношения Российской империи и Востока в связи с непосредственной близостью последнего и наличием собственного мусульманского населения. Каждое из направлений проиллюстрировано выдержками из работ востоковедов, позволяющими лучше понять специфику подходов к изучению ислама в этот период. Подробное изучение сочинений как светских учёных, так и востоковедов-миссионеров позволяет говорить о важном научном значении не только академических работ, но и трудов миссионеров, которые нередко преодолевали тенденциозность, обусловленную поставленными перед ними задачами, и собирали весьма глубокий по содержанию материал.

Ключевые слова: востоковедение, исламоведение, изучение ислама, подходы к изучению ислама, рубеж XIX–XX вв.

Anna I. Matochkina

Study of Islam and Arab-Muslim Culture in Works of Russian Orientalist Scholars on the Cusp of the 19th – 20th Centuries

The research is supported by a grant of the Russian Science Foundation, project №16-18-10083

Abstract. The article deals with the study of Islam and Arab-Muslim culture in Russia on the cusp of the 19th – 20th centuries. This time is characterized by the emergence of Oriental Studies as a science and attempts to define the purposes and objectives of the discipline. Interest to the East was primarily associated with foreign and domestic policy of the Russian Empire, in particular military campaigns directed towards conquest of the North Caucasus and Central Asia, wars with the Ottoman Empire and Iran, diplomatic and intelligence missions, protection of pilgrims and the Orthodox revival in the Holy Land, and conversion of Muslims living in the territory of the Russian Empire to Christianity. However, along with the practical interest and the missionary Oriental studies relation to it, it was an active development of the academic, secular Oriental studies that sought to achieve an ideologically neutral, scientific knowledge. The representatives of this direction were guided by European orientalists, borrowing their methodology and conceptual apparatus, but at the same time trying to abandon the Eurocentric approach and to create a special view on the relationship between the Russian Empire and the East, due to the proximity of the latter and the presence of its own Muslim population. Each of the directions is represented by the excerpts from works of orientalists, allowing better understanding of the specifics of approaches to the study of Islam in this period. A detailed study of works of both secular scholars and orientalists-missionaries allows speaking about the important scientific value of not only the academic works, but also works of missionaries, who quite often overcame the tendentiousness caused by tasks set for them and collected very perceptive material.

Key words: Oriental Studies, Islamic Studies, Study of Islam, approaches to Islamic Studies, cusp of the 19th – 20th centuries

Маточкина Анна Игоревна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и культурологии Востока Санкт-Петербургского государственного университета; 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5; anna-matochkina@yandex.ru

Anna I. Matochkina – PhD (Philosophy), Senior Lecturer at the Department of Oriental Philosophy and Cultural Science, St. Petersburg State University; 5 Mendeleevskaya liniya, St. Petersburg, Russia, 199034; anna-matochkina@yandex.ru

Изучение мусульманского Востока в России имеет давнюю историю и восходит ко временам правления Петра I. Прутский (1711 г.) и Персидский (1722 г.) походы, а также военно-дипломатическая экспедиция князя Бековича-Черкасского в Хиву (1716–1717 гг.) наглядно свидетельствуют о том большом значении, которое Петр I придавал восточному направлению внешней политики России [Гаврилов, Шевченко, 2010, 193]. Именно по его инициативе в стране началось активное изучение восточных языков. Так, в распоряжении Петра о замещении вакансии кафедры Тобольского митрополита в 1700 г. предписывалось иметь при митрополите несколько образованных людей, способных изучить языки «сибирских инородцев», к которым относились, в том числе, и многие мусульманские народы Средней Азии. Дипломатическое ведомство также испытывало острую потребность в кадрах, в связи с чем в 1716 г. в распоряжение русского посла в Персии было отправлено пять учеников Славяно-греко-латинской академии для изучения арабского, персидского и турецкого языков. Таким образом, первыми востоковедами стали служители-миссионеры и чиновники дипломатического ведомства.

Однако наряду с тем, что именно царь-реформатор стоял у истоков изучения мусульманского Востока, он же заложил идею о том, что только Европа, а никак не Азия, может являться вдохновляющим образцом для подражания. Как пишет М.А. Батунский в книге «Россия и ислам», заикленность на европейско-античном (= «западном») государственном идеале и в то же время сильнейшая приверженность ко множеству традиционно-русских политических мифов и ключевых политических символов в совокупности играли стабилизирующую, ассимилирующую и упреждающую функцию на рубеже XVIII–XIX вв. [Батунский, 2003а, 13]. Именно такой симбиоз позволял минимизировать дихотомию Россия/Европа; Запад/Восток; христианство/ислам; православие/неправославные разновидности христианства. В дальнейшей истории именно эти две идеи: 1) Европа как единственный эталон всех успехов России; 2) Россия как нетождественная Западу, способная гармонично сочетать в себе достижения Востока и Запада страна – будут оказывать влияние на взаимоотношения Востока и России. И ещё одно замечание: со времён Петра Великого основными мотивами восточной политики было укрепление благосклонности к Российской империи восточных народов, проживавших близ её границ, и миссионерская деятельность в рядах мусульман [Батунский, 2003а, 30]. Отсюда различные типы культурной интеграции российских мусульман в имперский период: «христианизация», «ассимиляция», «сближение», «слияние», «цивилизация», «обрусение» [Джераси, 2013, 26]. Таким образом, со времён Петра I и вплоть до XIX века для России в отношении «инородцев» характерен секулярный прагматический плюрализм с идеалом тотальной христианизации всего населения империи.

Рубеж XIX – начала XX веков наглядно свидетельствует о сохранении этой модели. Этот период в отечественной истории интересен тем, что Российская империя достигла в этот период своего наивысшего расцвета и представляла собой многонациональное государство, насчитывающее около 200 больших и малых народов, различных по религии, языку и культуре [Тихонов, 2008, 7] и формирующей новые политические подходы в управлении империей, направленные на национализацию или русификацию имперских земель [Тольц, 2013, 6]. Особый интерес вызывало российское мусульманство, поскольку русские и представители иных славянских народов стали активно переселяться в направлении восточных и южных границ империи, налаживая контакты с национальными и этническими меньшинствами. Большинство работ по этой теме носило этнографический и этнокультурный характер [Тихонов, 2008, 35].

Научная литература, касающаяся изучения ислама и арабо-мусульманской культуры на рубеже XIX–XX вв., относится к двум школам востоковедения. Первая из них представляет светское, академическое востоковедение и известна многочисленными именами казанских, московских и петербургских востоковедов, таких как, например, В.Р. Розен, В.В. Бартольд, А.Е. Крымский, И.Ю. Крачковский и др.

Вторая группа дореволюционных работ написана востоковедами-миссионерами, напрямую связанными с Казанской духовной академией и её противомусульманским отделением. Практической целью работы казанских исследователей была борьба с исламом, поэтому для них был характерен тенденциозный подход к российским мусульманам как к подданным, которые могут стать надёжными для российского государства лишь после приобщения к христианству. В этой связи большинство сочинений казанской школы были посвящены вопросам миссионерства, распространения образования и просвещения среди мусульман, а также взаимоотношения православия и ислама. Однако труды этой школы содержат достаточно оригинальный и обширный фактологический материал, поскольку её представители владели арабским и татарским языками, а также были хорошо знакомы с культурой и бытом поволжских мусульман [Тихонов, 2008, 36]. Кроме того, после прекращения преподавания восточных языков в Казанском университете в 1854 году в связи с переводом центра академических востоковедческих исследований в Императорский Санкт-Петербургский университет, именно Казанская академия продолжила изучение востоковедения, религиозных верований, восточных языков и языков народов Среднего Поволжья, Приуралья и Сибири [Хабибуллин, 2014–2015, 192]. Помимо арабского и татарского языков студенты противомусульманского отделения Академии изучали историю жизни Мухаммада, веру мусульман по её источникам, а также стремились понять образ мышления, обычаи и привычки мусульман. Включение в учебную программу исламского богословия предполагало, что учащиеся должны сначала понять ислам, а затем с точки зрения христианства разработать доводы против него [Джераси, 213, 78]. Основные вопросы казанского исламоведения рассматривались в таких периодических изданиях, выпускаемых под эгидой Казанской духовной академии, как «Православный собеседник» и «Миссионерский противомусульманский сборник». Именно в них можно было найти публикации практически всех преподавателей вуза, а также студентов. Несмотря на конкретные миссионерские задачи по отношению к нерусским народам Российской империи, которые ставила перед своими учениками и выпускниками Казанская духовная академия, она дала целую плеяду талантливых учёных, специалистов по языкознанию, истории арабов, истории и учению ислама, мусульманского Востока, истории христианства на Ближнем Востоке. Одним из таких учёных был Пантелеймон Крестович Жузе, урождённый Бандали ибн Салиба ал-Джаузи (1870–1942)¹. Его диссертационное сочинение «Мутазилиты. Догматико-историческое исследование в области ислама» представляло собой основательное научное исследование этого религиозно-философского течения в исламе IX–XII вв. и долгое время оставалось единственным отечественным трудом по мутазилитизму [Хабибуллин, 2014–2015, 200]. В свете изучения ислама и характеристики отношения к нему со стороны представителей Казанской духовной академии интересна лекция П.К. Жузе под названием «Положение христиан в мусульманских государствах» [Жузе, 1897], прочитанная им в Казани и опубликованная позднее в журнале «Православный собеседник» за 1897 год. В этой лекции Жузе описывает тяжёлое положение восточных христиан под властью турок и объясняет их плачевную участь влиянием ислама на политику турецкого правительства. Он подробно рассматривает государственный строй Османской империи и характеризует его как истинно мусульманский. Жузе также подчёркивает, что он основан исключительно на религиозных началах и что султан не вправе действовать по своему усмотрению, но должен руководствоваться в государственных делах исключительно Кораном и Сунной. Иллюстрируя это предписание, учёный приводит аят Корана: «Сражайся с теми, которые не веруют в Бога и в день страшного суда, которые не считают запрещённым то, что Богом и Его посланником возбраняется, которые не признают истинной религии (т.е. ислама) и поклоняются своему писанию, – доколе они не станут платить поголовной подати, как покорные подданные»²

[Жузе, 1897, 3], на основании которого он делает вывод о возможности жестокого обращения с теми, кто не принимает ислам и не платит подушный налог – *джизью* – за право исповедовать свою религию (иудаизм или христианство). Но даже в этом случае Жузе подчёркивает рабское положение христиан под властью мусульманских правителей. В частности, он приводит примеры из жизни восточных христиан под властью турок, говоря о том, что они платят не только подушную подать, но облагаются налогом взамен военной службы, от которой отстранены, или платят временные подати, которые порой не отменяются даже по прошествии события, ради которого они взимались [Жузе, 1897, 5]. Он пишет о том, что свидетельство христианина против мусульманина не допускается в суде, а также упоминает «повинность постоя», которая предполагает, что христианин обязан в течение трёх дней безвозмездно содержать любого мусульманина, начиная от паши и кончая нищим [Жузе, 1897, 7]. Вывод, который учёный делает на основе приведённых фактов из жизни восточных христиан, сводится к тому, что миллионы христиан в Турции фактически не могут считаться гражданами государства. Далее он транслирует один из наиболее распространённых стереотипов в отношении ислама как религии меча и насилия [Уотт, 2008, 126], отмечая, что Турция всегда обращалась к мечу, а не к рассудку [Жузе, 1897, 13]. Чуть далее он вновь повторяет свою мысль, говоря, что успех христианства зависел от нравственного влияния, тогда как успех ислама, главным образом, от действий меча [Жузе, 1897, 14]. В силу этого единственную возможность улучшить положение восточных христиан Жузе видит в полном освобождении последних «из-под мусульманского ига» и миссию по освобождению христиан учёный возлагает на Россию [Жузе, 1897, 22–23]. Эта работа может быть охарактеризована как критическое и полемическое сочинение, направленное против ислама. Однако впоследствии П.К. Жузе порывает с полемическим востоковедением и склоняется к строгому научному подходу. Известно, что разница взглядов на методику изучения ислама стала источником конфликта Жузе с другими преподавателями академии – М.А. Машановым (1852–1924) и М.Г. Ивановым [Поликультурный мир, 2014, 231]. Самой крупной работой М.А. Машанова³ является книга «Очерк быта арабов в эпоху Мухаммада как введение к изучению ислама», в которой он подробно рассматривает жизнь арабов в доисламский период и обосновывает необходимость обращения к истории и быту арабов, начиная с доисламских времён, для лучшего понимания деятельности пророка Мухаммада и истории ислама. В работе постоянно приводятся цитаты из Библии и Талмута, проводятся параллели с иудаизмом и христианством. Кроме того, Машанов ссылается на работы древнегреческих историков: Иосифа Флавия, Диодора Сицилийского, Страбона, Геродота, мусульманских мыслителей, в частности, аш-Шахрастани, Ибн Халдуна, и сочинения ряда европейских авторов, например, К. Нибура, Х. Риттера, Я. Бургхардта [Машанов, 1885]. Эта работа, написанная в 1884 году, в отличие от работ более раннего этапа его научной деятельности⁴, которые проникнуты антимусульманскими настроениями и полемическими идеями [Хабибуллин, 2003, 19], характеризует переход Машанова от полемического подхода в изучении ислама к научному анализу. Рецензентом этой работы был в том числе и В.Р. Розен, который оценивал этот труд как научное исследование.

Одним из наиболее выдающихся учеников, а впоследствии и преподавателей Казанской духовной академии был Николай Иванович Ильминский (1822–1891) – историк мусульманского Востока, арабист и тюрколог, известный путешественник по Востоку, издатель памятников тюркской письменности). Он проходил обучение арабскому и татарскому языку под руководством Мирзы Александра Казем-бека (1802–1870), которого нередко считают основоположником казанской школы востоковедения и, в частности, арабистики и тюркологии [Зайнуллин, 2014–2015, 87]. Помимо изучения языков он также изучал у Казем-бека в частном порядке ислам и культуру татар, хотя позднее, уже будучи преподавателем академии, неохотно преподавал исламское богословие и предпочитал уделять внимание языкам, а не религии [Джераси, 2013, 77–79]. Такой подход объясняется достаточно просто: Ильминский не особенно рассчитывал на действенность религиозной полемики в отношении мусульман. Побывав на Ближнем Востоке, он мог воочию наблюдать неэффективность такого противостояния, осуществляемого западноевропейскими миссиями. В этой

связи Ильминский пришёл к выводу о том, что подорвать веру мусульман можно только путём их всестороннего обучения и просвещения, что и предопределило его дальнейшую жизнь и карьеру [Джераси, 2013, 80].

Однако наиболее интересными для изучения работами по исламу были, несомненно, труды первой группы востоковедов, то есть представителей академической науки. На рубеже XIX–XX вв. Санкт-Петербург становится центром востоковедения и в частности арабистики. В это время в столице Российской империи находится Азиатский музей (1818), Императорское русское географическое общество (1845) и Императорское русское археологическое общество (1846), учебное отделение восточных языков Азиатского департамента Министерства иностранных дел (1823) и восточное отделение академии Генерального штаба [Дьяков, 2014–2015, 71]. В 1855 году в Санкт-Петербургском Императорском университете открывают Факультет восточных языков, первым деканом которого становится профессор арабской кафедры, член-корреспондент Петербургской академии наук Мирза Александр Казем-бек, ранее преподававший в Императорском Казанском университете.

Открытие Факультета восточных языков становится важным этапом в развитии отечественного востоковедения. Мирза Александр Казем-бек считал полезным для студентов знать не только восточные языки, но и историю Востока, причём рассматривал её не как средство более основательного знакомства с языками, а именно как цель изучения [Дьяков, 2014–2015, 74]. В результате в 1863 году в числе девяти кафедр Факультета восточных языков была учреждена в том числе и кафедра истории Востока, руководителем которой стал известный востоковед, знаток культуры народов Передней и Средней Азии профессор В.В. Григорьев (1816–1881) [Дьяков, 2014–2015, 75]. Выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1834 г.) В.В. Григорьев в 1835–1838 гг. преподавал персидский язык, а в 1837 г. предложил Совету университета принять программу курса истории Востока. Благодаря его инициативе и активной поддержке кафедры в итоге и была открыта [Дьяков, 2014–2015, 76].

Большую роль в преподавании на Факультете восточных языков истории стран Ближнего Востока сыграл И.Н. Березин (1818–1896), ученик М.А. Казем-бека, перешедший в Санкт-Петербургский университет из Казанского университета, а также В.Д. Смирнов (1846–1922), читавший курс политической истории Османской империи, её отношений с Россией, истории турецкой экспансии и связей турок с крымскими ханами.

В 70-е гг. XIX в. начинается научная деятельность выдающегося арабиста В.Р. Розена (1849–1908), выпускника Факультета восточных языков, его декана (1893–1902 гг.), академика, с чьим именем связан расцвет российского востоковедения на рубеже XIX–XX вв. Именно он считается основателем «новой школы востоковедения», среди учеников которой были такие известные востоковеды, как Василий Владимирович Бартольд (1869–1930) и Николай Яковлевич Марр (1864–1934) [Тольц, 2013, 7]. Как пишет Вера Тольц в работе «"Собственный Восток России": политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период» школа барона Розена представляет собой особую группу, оказавшую культурное и политическое влияние как на родине, так и за рубежом. Именно эта школа внесла свой вклад в формирование идеологии Евразийского движения 1920-х годов, характеризовавшееся отрицательным отношением к Европе и утверждениями о глубоком отличии России от Европы [Тольц, 2013, 9]. Для последователей этой школы характерен новый подход в изучении народов Востока, избегавший дихотомии Восток–Запад и рассматривавший народы Востока не как экзотических существ, но как полноценных участников исторического процесса. Розен и его ученики признавали важность работ неакадемических экспертов, например, офицеров и чиновников, как источник этнографического и лингвистического материала, но одновременно с этим чётко различали подходы к изучению Востока академических учёных и неакадемических экспертов, часто критикуя востоковедов из военных, государственных и богословских учреждений за ошибочность их методик и проявление религиозных и расовых предрассудков [Тольц, 2013, 23].

Одной из работ, посвящённых изучению ислама, написанной под редакцией В.Р. Розена, является труд историка, арабиста и византиниста Александра Александровича Васильева (1867–1953)⁵ «Византия и арабы: политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии» [Васильев, 1900]. В ней рассматриваются византийско-арабские отношения во времена правления в Византийской империи Аморийской династии (820–867 гг.). Это сочинение представляет собой объективный научный труд, в котором говорится не только и не столько о противостоянии арабов византийцам, сколько о культурном взаимодействии двух государств и уважении по отношению друг к другу. Так, например, Васильев пишет о том, что «Византия отдавала предпочтение арабам перед соседями запада» [Васильев, 1900, 13]. Кроме того, он отмечает схожий характер представлений мусульман о безграничной власти правителя в халифате Аббасидов и византийцев о верховной власти императора. Учёный отмечает безусловную заслугу императоров Аморийской династии в удержании наступательных действий восточных арабов и сохранении целостности византийских территорий в Малой Азии.

Безусловного внимания заслуживают труды Василия Владимировича Бартольда (1869–1930)⁶. В качестве примера можно привести его научно-популярные очерки «Ислам» [Бартольд, 1918а], «Культура мусульманства» [Бартольд, 1918б], «Мусульманский мир» [Бартольд, 1922], которые были опубликованы в 1918–1922 гг. отдельными книгами. Эти очерки, как и остальные работы учёного, продолжают оставаться одними из наиболее авторитетных сочинений по истории изучения ислама и арабо-мусульманской культуры в отечественном востоковедении и исламоведении. В очерке «Ислам» Бартольд подробно рассматривает политическую и религиозную жизнь Аравийского полуострова до пророка Мухаммада, характеризует культурные и торговые связи Аравийского полуострова с Персией и Римом, Индией и Абиссинией, описывает верования аравитян и проникновение на территорию Аравии христианства, пророческую миссию Мухаммада и эволюцию мусульманского учения. В главе «Ислам и современная культура» Бартольд приводит главные обвинения против ислама со стороны европейской культуры, такие как рабство и многоженство, и опровергает оба убеждения. Относясь с большим пиететом к исламу как религии и подчёркивая его жизнеспособность и невозможность вытеснения никакой другой, он, тем не менее, как учёный, подчёркивает, что культурный прогресс приведёт к тому, что всякая религия останется только религией «без притязаний подчинить себе всю государственную и общественную жизнь» [Бартольд, 1918а, 92]. Важный материал предоставляет библиография, представленная в конце очерка, из которой читатель узнаёт о лучших, с точки зрения академического учёного, работах по исламу на русском языке. Это труды Г.С. Саблукова, В.Р. Розена, А.Э. Шмидта, Вл. Соловьева, А.Е. Крымского, самого Бартольда, Н.А. Медникова, В.А. Жуковского, И.Ю. Крачковского и др. Таким образом, уже в первой работе Бартольд рассматривает историю ислама вплоть до XX века и, казалось бы, делает общий обзор, но одновременно с этим затрагивает все ключевые особенности исламского вероучения и события мусульманской истории таким образом, что и сегодня его сочинения являются источником академических знаний и по-прежнему остаются настольными книгами исламоведа.

При разговоре об академическом востоковедении следует также упомянуть традиции религиозно-философской мысли XIX – начала XX вв. Её представители, не имевшие прямого отношения к востоковедным исследованиям, задавались вопросом о месте России в мировом историческом процессе и вследствие этого постоянно обращались к одной из основополагающих проблем всей русской религиозной философии XIX в. – проблеме Востока и Запада [Россия, 2010, 161]. В частности в ряду других мыслителей русского религиозного возрождения XIX–XX веков можно выделить Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891)⁷, много писавшего о роли мусульманского Востока в исторической судьбе России [Гаврилов, Шевченко, 2010, 219]. Его соображения по поводу российско-мусульманских отношений изложены в его книге «Византизм и славянство», а также статьях «Восток, Россия и славянство», «Письма о восточных делах», «Плоды национальных движений на православном Востоке» [Гаврилов, Шевченко, 2010, 221].

Что касается практического подхода к изучению Востока, как мусульманского, так и христианского, то помимо деятельности уже упомянутой Казанской духовной академии, важно отметить роль организаций, способствовавших расширению торгово-экономических и культурных контактов между Россией и христианским Востоком, в частности разностороннюю деятельность Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО). О роли и значении Святой Земли в картине мира русского человека писали многие общественные деятели и публицисты. В частности, российский государственный деятель, кандидат права, государственный чиновник Михаил Петрович Соловьев (1842–1901) написал небольшой труд «Святая Земля и Православное палестинское общество» [Соловьев, 1891], в котором подчёркивал большое значение отношения русского народа к Святой Земле. Он пишет о многочисленных хождениях русских паломников на Святую Землю, многие из которых в силу дальности предприятия оборачивались настоящим религиозным подвигом, разжигая в сердцах слушателей рассказов об этих походах огонь истинной веры [Соловьев, 1891, 7]. Именно простые люди, по мнению чиновника, формировали крепкие связи между Россией и миром восточного христианства на протяжении веков. Говоря о целях созданного в 1882 году Палестинского общества, Соловьев особо выделяет их научную составляющую. Он пишет, что учёная цель общества: собирать, разрабатывать и распространять в России сведения о святых местах Востока, располагается в уставе Императорского Православного Палестинского Общества, получившего такое название в 1889 году, на первом месте. При этом Соловьев обращает внимание на то, что в отличие от России, изучение Палестины на западе давно достигло небывалых размеров. Одни географические сочинения, пишет мыслитель, составляют более 30 тысяч наименований [Соловьев, 1891, 41]. Систематическим изучением Святой Земли занимаются английское, немецкое и французское Палестинские общества. Образовалась даже особая отрасль знания – палестиноведение, одним из важнейших разделов которой является палестинская археология. Соловьев пишет, что одновременно с этим в России до появления ИППО «научные труды и путешествия представляли явление случайное, спорадическое, почти бесследно проходившее в общественной жизни» [Соловьев, 1891, 42]. С появлением ИППО ситуация коренным образом меняется. Научная работа Палестинского общества предполагает как участие в раскопках, так и издание древних паломников (до XVII в.) и новейших исследований. С этой целью ИППО издаётся Сборник палестинского общества, рассчитанный, правда, на образованную публику. Однако для простого населения Обществом изданы два выпуска «Спутника православного паломника в Святую землю», протоиерея В.Я. Михайловского, «К животоворящему гробу Господню» В.Н. Хитрово с 75 рисунками, 56 видов Иерусалима и Святой Земли, план современного Иерусалима и Палестинский Патерик, выпуск I, заключающий в себе житие преподобного отца Саввы Освященного [Соловьев, 1891, 60]. В целом Соловьев призывает ИППО в научной работе ориентироваться на три учёных общества на Западе: Palestine Exploration Fund (Англия), L'Orient Latin (Франция) и Немецкое Палестинское общество, упомянутые выше.

Об исламе автор отзывается в традиционном для русского православного автора ключе, употребляя по отношению к исламу такие выражения, как «под тлетворным дыханием ислама» или «описание плачевного положения Сирии и Палестины под властью мусульман» [Соловьев, 1891, 71]. Он завершает свою работу словами о том, что задача по воссоединению со вселенской церковью шести миллионов христиан Азии и Африки – задача посильная только Русской церкви, Русскому народу – «богоносцу» и Русскому государству [Соловьев, 1891, 179].

Стоит отметить, что в задачи Палестинского общества также входило открытие православных начальных школ на территории Сирии и Палестины с целью предотвращения католической и протестантской пропаганды, которая в конце XIX века вызывала гораздо больше опасений, нежели исламское вероучение. Так, Иван Васильевич Малиновский (ум. 1916) в заметке «Православное палестинское общество», напечатанной в «Чтениях о Святой земле» [Малиновский, 1900], пишет о том, что «главным побуждением к учреждению Палестинского общества и главной его задачей на первых порах было ограждение Православия в Святой земле не от неверных

магометан, как это было прежде, а от инославной пропаганды, латинской и протестантской, которая усилилась во второй половине текущего столетия» [Малиновский, 1900, 7]. Ф.К. Греков в своей работе «Императорское Православное Палестинское общество: Очерк его деятельности [за 1882–1890 гг.]» в качестве главной задачи Палестинского общества также называет поддержку православия в Святой Земле и высказывает надежду на то, что палестинское православие не только не погибнет, но даже «достигнет могучего расцвета, в каком оно находилось во времена великих и православных Византийских царей и императоров» [Греков, 1891, 7]. Описывая деятельность ИППО, Греков подчёркивает, что она включала оказание врачебной помощи местному населению без различия веры, полов, возрастов и национальностей, а также учреждение новых учебных заведений, в которых дети православного палестинского населения могут получить образование в духе истинного православия [Греков, 1891, 30–31]. Он пишет, что в учебных заведениях Палестинского общества, в частности, в мужском Назаретинском пансионе (Назаретская мужская учительская семинария) обучается преимущественно коренное население Палестины и учителя, которых готовит общество, «должны вносить свет просвещения и православия в среду палестинских народов» [Греков, 1891, 33]. В Поучении [о необходимости оказывать помощь православным арабам в Палестине], подготовленном ИППО, также говорится о бедности, неграмотности и религиозной темноте православных арабов, у которых нет ни школ, ни благолепно обставленных храмов, а «пастыри их туземные жалки по бедности и образованию» [Поучение, 1886], что объясняет необходимость помогать местному православному населению.

Игнатий Юлианович Крачковский (1883–1951) – выдающийся представитель отечественного востоковедения, академик, в 1910 году во время своего путешествия по Палестине, Сирии и Ливану принял участие в инспектировании школ ИППО, воспоминания о которых вошли в его книгу «Над арабскими рукописями». В частности он пишет, что один из представителей сиро-американской литературной школы – Михаил Нуайме (1889–1988) – некогда был учеником одной из школ Палестинского общества, что объясняло роль русской литературы в творчестве этого арабского писателя [Крачковский, 1948, 62]. Некоторые учителя общества стали впоследствии учёными. Так, учитель Назаретской семинарии Д.В. Семенов написал «Хрестоматию по сирийскому диалекту», а учительница М.М. Измайлова стала одним из первооткрывателей арабского диалекта в Средней Азии. Упомянутый выше П.К. Жузе также заканчивал Назаретскую семинарию. Силами учёных членов общества осуществлялись археологические раскопки, итогом которых стал, в частности, научный труд Павла Константиновича Коковцова «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине» (1904). С обществом сотрудничали многие профессора Факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета: египтолог и эфиопист Б.А. Тураев, барон В.Р. Розен, Н.А. Медников, уже упомянутые семитолог, академик П.А. Коконцов и тогда ещё молодой приват-доцент И.Ю. Крачковский, арабист и историк Византии А.А. Васильев, кавказоведы – А.А. Цагарели, Н.Я. Марр, кн. И.А. Джавахов (Джавахишвили), протоирей, историк литургии К. Кекелидзе [Пумпян, <http://www.ippo.ru/historyippo/article/nauchno-issledovatel'skaya-deyatelnost-imperatorsko-201152>].

Государственная политика Российской империи с необходимостью требовала подготовки специалистов со знанием восточных языков не только для научной, но и для практической деятельности. Так, созданное ещё в 1815 году Армянское Лазаревское училище, впоследствии (1827) переименованное в Лазаревский институт восточных языков, готовило чиновников и переводчиков для Закавказского края, а Восточный институт во Владивостоке, созданный в 1899 году, обучал специалистов для административных и торгово-промышленных учреждений Дальнего Востока. В этой связи необходимо упомянуть записку [О проекте, 1916], составленную группой российских востоковедов в ответ на проект создания в Санкт-Петербурге «Практической Восточной Академии», подведомственной Министерству Торговли и Промышленности, как вышей практической школы для обслуживания восточных интересов России. В группу востоковедов входили: профессор, академик В.В. Бартольд, заслуженный профессор Н.И. Веселовский, профессор А.И. Иванов, приват-доцент

В.Л. Котвич, профессор, академик Н.Я. Марр, академик С.Ф. Ольденбург, приват-доцент А.Д. Руднев и профессор Ф.И. Щербатской. В записке востоковеды отмечают пользу такого проекта для России, но лишь в случае сотрудничества академией с уже имеющимися учреждениями подобного профиля и при учёте их недостатков. Кроме того, они считают необходимым сотрудничество с Факультетом Восточных языков Императорского Петроградского университета для преподавания востоковедных предметов. Однако, как подчёркивают авторы записки, при формировании программы преподавания восточных языков многолетний опыт Факультета восточных языков совершенно не учитывается. Востоковеды дают подробное описание условий приёма в Академию, этапы обучения, а также предметы, изучаемые в Академии, характеризуют недостатки учебных планов. Они также отмечают достаточно низкие требования к преподавателям Академии и высказывают сомнения об уровне знаний учащихся, подготовленных такими специалистами. Рассматривая структуру управления Академией и её устав, востоковеды пишут о том, что она создаётся для нужд Министерства торговли и промышленности и задаются вопросом не будет ли более разумным учредить вместо отдельного учебного заведения необходимые востоковедные кафедры в уже существующих учебных заведениях, например, в Высшей Коммерческой Академии. На основе всех перечисленных недостатков, описание которых не является исчерпывающим по словам самих авторов, делается вывод о несостоятельности проекта. Авторы подчёркивают потребность русского государства в практическом востоковедении, но при условии «правильной постановки преподавания», без которой учебные заведения будут готовить лишь мнимых «восточников» и «востоковедов» [О проекте, 1916, 15].

Практический подход в изучении ислама и арабо-мусульманской культуры также, безусловно, был присущ разведывательным миссиям и военным походам в Среднюю Азию, а также оставленным в ходе их проведения заметкам, отчётам и документальным материалам. Среди таких предприятий можно выделить миссию полковника Н.П. Игнатьева в Хиву и Бухару в 1858 г., а также Хивинский поход 1873 г. Миссия полковника Н.П. Игнатьева началась 15 мая 1858 г. и насчитывала 117 человек. В задачи миссии входило изучение водных и сухопутных коммуникаций, в первую очередь р. Аму-Дарья, и установление торговых связей с Хивой и Бухарой [Длужневская, 2010, 282]. Путевые заметки, составляемые штабс-капитаном Н.Г. Залесовым, который неоднократно сообщал о ходе деятельности миссии в редакцию журнала «Военный сборник», сразу попадали в печать. Наряду с Н.Г. Залесовым заметки оставили секретарь миссии Е.Я. Килевейн, дипчиновник оренбургского генерал-губернатора М.Н. Галкин, офицер Уральского казачьего войска из состава почётного конвоя миссии П. Назаров и глава миссии Н.П. Игнатьев. Подпоручик артиллерии А.С. Степанов, назначенный фотографом, во время похода сделал 28 фотоснимков. В данной миссии также принимал участие востоковед П.И. Лерх (1828–1884). По окончании экспедиции был подготовлен альбом «От Оренбурга через Хиву до Бухары», а фотографические снимки Степанова были преподнесены Великому князю Константину Николаевичу [Длужневская, 2010, 282–283]. Они сохранили для истории внешний облик киргизского батыра Исет Кутебарова, его сына Назара, нескольких мальчиков из гарема хивинского хана и его любимой собаки, министра двора, диван-баба, хивинского солдата, персиянина, почётных хивинцев, освобождённых пленных русских и многое другое. Вопрос о русских пленных рассматривается в «Материалах для описания Хивинского похода 1873 г. [Материалы, 1881–1882], подготовленных по распоряжению туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта К.П. фон-Кауфмана. В них, помимо описания самого похода, куда входят различные очерки военных действий русских отрядов, содержится подробный очерк о военных и дипломатических отношениях России со Средней Азией, начиная с IX в. по 1863 г., подготовленное А. Шепелевым, а также текст Н. Веселовского о русских невольниках в среднеазиатских ханствах. В этом тексте Веселовский поднимает важную для российского государства проблему русских невольников в Средней Азии и сообщает о том, что она существует с X в. Он подчёркивает важность рассказов пленных как источника информации о быте и условиях жизни в среднеазиатских ханствах и сообщает, что рассказы пленных

зачастую публикуются в периодических изданиях, однако мало известны широкой публике. Веселовский пишет, что задача российского государства избавить русских подданных от пленения и последующего торга невольниками в среднеазиатских ханствах смогла быть осуществлена только в конце XIX века [Материалы, 1881–1882]. В завершении он приводит названия работ, в которых можно более детально ознакомиться с этой темой.

Подводя итог всему вышесказанному, можно, безусловно, говорить о том, что первоначальным стимулом в изучении мусульманского и христианского Востока, ислама и арабо-мусульманской культуры на рубеже XIX–XX вв. являлся практический интерес, обусловленный внешней политикой Российского государства на Востоке. Речь идёт о военных походах по завоеванию Северного Кавказа и Средней Азии, войнах с Османской Турцией и Ираном, дипломатических и разведывательных миссиях, путешествиях и паломничестве, а также о роли и значении Святой Земли для православных христиан и о деятельности России в Палестине по поддержке православия и возрождению его былого величия, а в более широком контексте – о месте и роли России в мировом историческом процессе, о её цивилизационной миссии как альтернативы Востоку и Западу, унаследованной от Византийской империи. В желании помочь местному православному населению, погрязшему в бедности, неграмотности и религиозной темноте, безусловно, присутствует чувство культурного превосходства, проявляется стремление к выстраиванию субъектно-объектных отношений с представителями арабо-мусульманской культуры, то есть тот самый «ориентализм», описанный Э. Саидом.

Практический интерес учащихся и выпускников Казанской духовной академии в изучении ислама был обусловлен конфессиональной политикой Российской православной церкви, одна из основных задач которой состояла в обращении мусульман в христианство. Но здесь стоит обратить внимание на тот факт, что многие из студентов и преподавателей противомусульманского отделения Казанской духовной академии, сочинения которых отличались полемической и миссионерской направленностью, по мере погружения в изучение различных аспектов мусульманского вероисповедания и истории ислама выходили за узкие рамки миссионерской тенденциозности и создавали работы, которые отличало глубокое знание предмета и стремление рассматривать мусульманскую традицию как часть ближневосточного монотеизма, представленного также иудаизмом и христианством. Можно с уверенностью говорить о том, что стиль научного мышления был не в меньшей степени присущ миссионерам, нежели академическим учёным. Более того, Батунский убеждён, что миссионерское и светское направления исламоведения – ответвления одной и той же дисциплины [Батунский, 2003а, 215]. Однако существенной отличительной особенностью двух этих направлений оставался язык. Миссионерское исламоведение отличается более эмоциональная, а не интеллектуальная оценка одной и той же информации, экспрессивная окраска текста, ироническое отношение к различным феноменам ислама. Светское или академическое исламоведение характеризует научный функциональный стиль, отличающийся точностью, ясностью, логичностью и последовательностью изложения, рациональностью, акцентами на смысловом содержании [Батунский, 2003а, 218]. Подход академических учёных к изучению ислама и арабо-мусульманской культуры импонирует в первую очередь попытками достичь идеологически нейтрального, объективного знания, и именно такой поход характеризует школу В.Р. Розена. Однако подобные попытки не стоит преувеличивать в силу того, что многие положения отечественного исламоведения, понятийный аппарат и методология были заимствованы у европейских исламоведов вместе с их общеевропейским исламоведческим контекстом [Батунский, 2003б, 11], о чём наглядно свидетельствуют работы Н.А. Медникова, А.Э. Шмидта и А.Е. Крымского, которые во многом опирались на сочинения Августа Мюллера, Игнаца Гольциера и Рейнхарда Дози. Однако были среди них и учёные, чьи сочинения позволяют говорить об отказе судить об арабо-мусульманской культуре, исходя из европоцентристского подхода, и попытках сформировать свой взгляд на отношения России и Востока в связи со спецификой взаимоотношений Российского государства с мусульманским населением империи.

Таким образом, можно однозначно сказать, что чисто академический интерес всегда шёл об руку с практическим интересом и вряд ли представляется возможным говорить об отсуствии заангажированности востоковедов, поскольку создание школ востоковедения – это всегда определённый запрос государственных и общественных институтов, обусловленный вызовами времени. Однако это не отменяет сугубо научного интереса, а также выработки новых подходов к изучению Востока без стереотипов европейского ориентализма хотя бы потому, что российские востоковеды работали в тесном сотрудничестве с представителями национальных сообществ, а роль местных представителей южных и восточных окраин в производстве востоковедческого знания была несколько выше, чем в других империях. Российским учёным зачастую удавалось преодолевать политизированность и культурную детерминированность таких категорий как Восток и Запад, Европа и Азия.

Библиографический список

1. Бартольд, В.В. Ислам: [Общий очерк] / В.В. Бартольд. – Пг.: Огни, 1918. – 95 с.
2. Бартольд, В.В. Культура мусульманства: [Общий очерк] / В.В. Бартольд. – Пг.: Огни, 1918. – 112 с.
3. Бартольд, В.В. Мусульманский мир / В.В. Бартольд // Введение в науку / под ред. С.А. Жебелева, Л.П. Карсавина, М.Д. Приселкова. – История; Вып. 22. – Пб.: Наука и школа, 1922. – 92 с.
4. Батунский, М.А. Россия и ислам. Т. 2 / М.А. Батунский. – М., 2003. – 596 с.
5. Батунский, М.А. Россия и ислам. Т. 3 / М.А. Батунский. – М., 2003. – 256 с.
6. Васильев, А.А. Византия и арабы: политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии / А.А. Васильев. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1900. – 183 с.
7. Гаврилов, Ю.А. Ислам и православно-мусульманские отношения в России в зеркале истории и социологии / Ю.А. Гаврилов, А.Г. Шевченко. – М.: Культурная революция, 2010. – 312 с.
8. Греков, Ф.К. Императорское Православное Палестинское общество: Очерк его деятельности [за 1882–1890 гг.] / Ф.К. Греков. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1891. – 53 с.
9. Джераси, Р. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России / Р. Джераси. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 548 с.
10. Длужневская, Г. Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях. По материалам фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН / Г. Длужневская. – СПб., 2010. – 304 с.
11. Жузе, П.К. Положение христиан в мусульманских государствах: Публичная лекция / П.К. Жузе. – Казань: Унив. тип., 1897. – 24 с.
12. Зайнуллин, Г.Г. М. Казем-бек – основатель арабистической школы в Казанском университете / Г.Г. Зайнуллин // Наследие Мирзы Казем-бека: история и современность. Доклады и сообщения Международной научной конференции (г. Казань, 20–21 ноября 2013 г.). – Казань–СПб.–Баку: Фолиант, 2014–2015. – С. 87–91.
13. Крачковский, И.Ю. Над арабскими рукописями. Третье исправленное издание / И.Ю. Крачковский. – М.–Ленинград: Изд. Академии наук СССР, 1948. – 203 с.
14. Малиновский, И.В. Православное палестинское общество / И.В. Малиновский. – 2-е изд., испр. – СПб.: Православное палестинское общество, 1900. – 33 с.
15. Материалы для описания Хивинского похода 1873 г. / сост.; под ред. Ген. штаба ген.-лейт. В.Н. Троцкого. Вып. [1]. – Ташкент, 1881–1882.
16. Машанов, М.А. Очерк быта арабов в эпоху Мухаммеда как введение к изучению ислама / М. Машанов. Ч. 1. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1885. – 1 т. – 862 с.
17. О проекте «Практической восточной академии»: (Записка группы рус. востоковедов) / [Проф., акад. В.В. Бартольд (1869–1930), засл. проф. Н.И. Веселовский, проф. А.И. Иванов [и др.]]. – Петроград: Тип. Киришбаума, ценз., 1916. – 15 с.
18. Поликультурный мир Среднего Поволжья: социально-антропологические и исторические аспекты. Том I. – Казань, 2014. – 268 с.
19. Поучение [о необходимости оказывать помощь православным арабам в Палестине. – Санкт-Петербург], Императорское православное Палестинское общество (Санкт-Петербург) ценз. 1886. – 1 с.
20. Пумпян, Г.З. Научно-исследовательская деятельность Императорского Православного Палестинского Общества (1881 – начало XX века): по материалам изданий ИППО / Г.З. Пумпян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ippo.ru/historyippo/article/nauchno-issledovatelskaya-deyatelnost-imperatorsko-201152> (дата обращения: 05.09.2016).

21. Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема / Отв. ред. выпуска А.В. Смирнов. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 528 с.
22. Соловьев, М.П. Святая Земля и Православное палестинское общество / М.П. Соловьев. – М.: Университетская типография, 1891. – 179 с.
23. Тихонов, А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. / А.К. Тихонов. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2008. – 368 с.
24. Тольц, В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период / В. Тольц; перевод с английского. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 336 с.
25. Уотт, У.М. Влияние ислама на средневековую Европу / У.М. Уотт. – М.–СПб., 2008. – 192 с.
26. Хабибуллин, М.З. Михаил Александрович Машанов: миссионер и исламовед: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. н. / М.З. Хабибуллин. – К., 2003. – 22 с.
27. Хабибуллин, М.З. Мирза Казем-бек и исламоведческие традиции в Казани во второй половине XIX – начале XX вв. / М.З. Хабибуллин // Наследие Мирзы Казем-бека: история и современность. Доклады и сообщения Международной научной конференции (г. Казань, 20–21 ноября 2013 г.). – Казань–СПб.–Баку: Фолиант, 2014–2015. – С. 192–205.

¹ П.К. Жузе родился в православной сиро-арабской семье в Иерусалиме. Своё образование будущий учёный начал в монастырских школах, а затем продолжил обучение в Назаретской семинарии, открытой Императорским Православным Палестинским Обществом. В 1889 г. как один из лучших учеников семинарии он был отправлен на обучение в Россию, где учился сначала в Вифании, Московской духовной академии, а затем и в Казанской духовной академии.

² Сура 9 Ат-Тауба («Покаяние»), аят 29.

³ М.А. Машанов родился 11 мая 1852 г. в семье священника-протоиерея в г. Петропавловск Северо-Казахстанской области. Учился в Тобольской духовной семинарии, после завершения которой продолжил своё обучение в Казанской духовной академии. Большое влияние на становление мировоззрения Машанова оказали Н.П. Остроумов, Е.А. Малов, Н.И. Ильминский и Г.С. Саблуков. В 1885–1887 гг. совершил поездку на мусульманский Восток.

⁴ «Личность Мухаммеда в физическом и нравственном отношении», «Характер Мухаммеда», «Личные качества Магомета по суду магометанина и христианина», «Мухаммеданский брак в сравнении с христианским браком в отношении их влияния на семейную и общественную жизнь человека», «Мусульманское молитвословие и оценка его достоинства сравнительно с христианским богослужением».

⁵ А.А. Васильев – византинист, арабист, окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, ученик В.Р. Розена, по совету которого стал специализироваться на истории Византии под руководством В.Г. Васильевского.

⁶ В.В. Бартольд – востоковед, арабист, окончил факультет Восточных языков по арабо-персидско-турецко-татарскому разряду, доктор истории Востока (1900), академик (1913), автор более 400 трудов по истории ислама, взаимодействию культуры Востока и Запада, истории народов и государств Центральной и Средней Азии.

⁷ К.Н. Леонтьев родился в селе Кудиново Калужской губернии в семье отставного прапорщика гвардии Николая Леонтьева, окончил Калужскую гимназию и поступил в Демидовский лицей в Ярославле откуда перевёлся на медицинский факультет Московского университета, где увлёкся историей и литературой.

References

1. Bartol'd V.V. *Islam: Obshhij ocherk* [Islam: General Essay]. Petrograd: Ogni, 1918, 95 p. (in Russian).
2. Bartol'd V.V. *Kul'tura musul'manstva: Obshhij ocherk* [Culture of Islam: General Essay]. Petrograd: Ogni, 1918, 112 p. (in Russian).
3. Bartol'd V.V. *Musul'manskij mir. Vvedenie v nauku* [Muslim World. An Introduction to the Science]. Ed. by S.A. Zhebelev, L.P. Karsavin, M.D. Priselkov. Petersburg: Nauka i shkola, 1922, 92 p. (in Russian).
4. Batunsky M.A. *Rossiya i islam* [Russia and Islam]. Vol. 2. Moscow, 2003, 596 p. (in Russian).
5. Batunsky M.A. *Rossiya i islam* [Russia and Islam]. Vol. 3. Moscow, 2003, 256 p. (in Russian).
6. Vasil'ev A.A. *Vizantiya i araby: politicheskie otnosheniya Vizantii i arabov za vremya Amorijskoj dinastii* [Byzantium and the Arabs. Political Relations of Byzantium and the Arabs during the Amorium Dynasty]. St. Petersburg: tip. I.N. Skorohodova, 1900, 183 p. (in Russian).
7. Gavrilov Ju.A., Shevchenko A.G. *Islam i pravoslavno-musul'manskije otnosheniya v Rossii v zerkale istorii i sotsiologii* [Islam and Orthodox-Muslim Relations in Russia in the Mirror of History and Sociology]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, 2010, 312 p. (in Russian).
8. Grekov F. K. *Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe obshhestvo: Ocherk ego deyatel'nosti za 1882–1890 gg.* [Imperial Orthodox Palestine Society: Essay of Its Activity, 1882–1890]. St. Peterburg: tip. P.P. Soikina, 1891, 53 p. (in Russian).
9. Geraci R.P. *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Cornell University Press. Ithaca and London. 2001, 389 p. (Russ. ed.: Geraci R.P. *Okno na Vostok: imperija, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 548 p.).

10. Dluzhnevskaya G. *Musul'manskiy mir Rossiiskoi imperii v starykh fotografijakh. Po materialam fotootdela Nauchnogo arhiva Instituta istorii material'noj kul'tury RAN* [Muslim World of the Russian Empire in Old Photos. Based on Materials of Foto Department of the Science Archive of the Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Science]. St. Petersburg, 2010, 304 p. (in Russian).
11. Zhuze P.K. *Polozhenie khristian v musul'manskikh gosudarstvakh: Publichnaya leksiya* [Status of Christians in Muslim Countries: Public Lecture]. Kazan: Univ. tip., 1897, 24 p. (in Russian).
12. Zainullin G.G. *Nasledie Mirzy Kazem-beka: istoriya i sovremennost'. Doklady i soobshheniya Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Heritage of Mirza Kazem-Bek: History and Modernity. Reports of the International Scientific Conference]. Kazan, St. Petersburg, Baku, 2014–2015, pp. 87–91 (in Russian).
13. Krachkovsky I.Yu. *Nad arabskimi rukopisyami* [Above the Arabic Manuscripts]. Moscow, Leningrad: Izd. Akademii nauk SSSR, 1948, 203 p. (in Russian).
14. Malinovsky I.V. *Pravoslavnoe palestinskoe obshhestvo* [Orthodox Palestine Society]. St. Petersburg: Pravoslavnoe palestinskoe obshhestvo, 1900, 33 p. (in Russian).
15. *Materialy dlya opisaniya Khivinskogo pokhoda 1873 g.* [Materials for the Description of Khiva Campaign in 1873]. Vol. 1. Tashkent, 1881–1882 (in Russian).
16. Mashanov M.A. *Ocherk byta arabov v epokhu Mukhammeda kak vvedenie k izucheniju islama* [Review of Arab Life in the Era of Muhammad as an Introduction to the Study of Islam]. Part 1. Kazan: tip. Imp. un-ta, 1885, 862 p. (in Russian).
17. *O proekte «Prakticheskoi vostochnoi akademii»: (Zapiska gruppy rus. vostokovedov)* [About the Project "Practical Oriental Academy": (Note of a Group of Russian Orientalists)]. Petrograd: tip. Kirshbauma, cenz. 1916, 862 p. (in Russian).
18. *Polikul'turny mir Srednego Povolzh'ya: sotsial'no-antropologicheskie i istoricheskie aspekty* [Multicultural World of the Middle Volga Region: Socio-Anthropological and Historical Aspects]. Vol. I. Kazan, 2014, 268 p. (in Russian).
19. *Pouchenie o neobходимosti okazyvat' pomoshh' pravoslavnyim arabam v Palestine* [Exhortation about the Need to Provide Assistance to the Orthodox Arabs in Palestine]. St. Peterburg, Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshhestvo, cenz. 1886, 1 p. (in Russian).
20. Pumpyan G.Z. *Nauchno-issledovatel'skaja dejatel'nost' Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshhestva (1881 – nachalo XX veka): po materialam izdaniy IPPO* [Research Activities of the Imperial Orthodox Palestine Society (1881 – the Beginning of the 20th Century): Based on IOPS Publications]. Available at: <http://www.ippo.ru/historyippo/article/nauchno-issledovatel'skaja-deyatelnost-imperatorsko-201152> (accessed: September 5, 2016) (in Russian).
21. *Rossiya i musul'manskiy mir: inakovost' kak problema* [Russia and the Muslim World: Otherness as a Problem]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010, 528 p. (in Russian).
22. Solovyov M.P. *Svyataya Zemlya i Pravoslavnoe palestinskoe obshhestvo* [Holy Land and the Orthodox Palestinian Society]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1891, 179 p. (in Russian).
23. Tikhonov A.K. *Katoliki, musul'mane i iudei Rossiiskoi imperii v poslednei chetverti XVIII – nachale XX v.* [Catholics, Muslims, and Jews of the Russian Empire in the Last Quarter of the 18th – Early 20th Century]. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, 2008, 368 p. (in Russian).
24. Tolz V. *"Russia's own Orient" The Politics of Identity and Oriental Studies in the late Imperial and early Soviet Periods*. Oxford University Press. Oxford and New York: 2011, 224 p. (Russ. ed.: Tolz V. «Sobstvennyj Vostok Rossii»: politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskij i rannesovetskij period. Perevod s anglijskogo. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 336 p).
25. Watt W.M. *The Influence of Islam on Medieval Europe*. Edinburgh University Press, 1972, 128 p. (Russ. ed.: Watt W.M. *Vliyanie islama na srednevekovuyu Evropu*. Moscow, St. Petersburg, 2008, 192 p.).
26. Habibullin M.Z. *Mikhail Aleksandrovich Mashanov: missioner i islamoved: avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02* [Mikhail Mashanov: Missionary and Scholar of Islam. Abstract of PhD Thesis inHistory]. Kazan, 2003, 22 p. (in Russian).
27. Habibullin M.Z. *Nasledie Mirzy Kazem-beka: istoriya i sovremennost'. Doklady i soobshheniya Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Heritage of Mirza Kazem-Bek: History and Modernity. Reports of the International Scientific Conference]. Kazan, St. Petersburg, Baku, 2014–2015, pp. 192–205 (in Russian).